

ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

М.: Наука. 1999

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
научный совет по истории мировой культуры
КОМИССИЯ ПО КУЛЬТУРЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

© Коллектив авторов, 1999

© В.Ю.Яковлев, художественное оформление, 1999

© Российская академия наук, 1999

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 98-02-16345

Редколлегия: к.ист.н. *Е.И.Лебедева*, к.ист.н. *Н.Ю.Плавинская* (отв.секретарь), д.ист.н. *А.В.Чудинов*

Ответственный редактор: д.ист.н. *Г.С.Кучеренко*

Рецензенты: кандидаты исторических наук *Л.Н.Вдовина*, *Г.С.Черткова*

В статьях сборника рассматриваются проблемы культуры эпохи Просвещения во всем единстве и многообразии ее форм. В центре внимания находится личность в разных ее проявлениях: монарх, философ, писатель, политик, деятель культуры. На широком историческом материале исследуются ценностная ориентация человека XVIII — начала XIX в., пути его нравственной, идейной и политической эволюции, поиски собственного места в общем культурном движении эпохи. Для историков, литературоведов, философов и всех, кто интересуется историей культуры и общественной мысли нового времени.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* 2009

Содержание

МНОГООБРАЗИЕ ЛИЦ

Л.А.Пименова. Людовик XVI — французский король века Просвещения

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/lpimen2.pdf>

Т.А.Лабутина. Идейное наследие английского Просвещения в творчестве энциклопедистов Франции

<http://ideashistory.org.ru/pdfs/06labutina.pdf>

Е.Б.Рубинштейн. Лорд Болингброк: путь философа

Л.Г.Кислягина. Н.М.Карамзин как явление европейской культуры эпохи Просвещения

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/karamz-enl.pdf>

И.И.Пещиловская. Захария Орфелин — сербский энциклопедист XVIII в.

<http://enlightment2005.narod.ru/arc/orphelin.pdf>

А.Ф.Строев. Бернарден де Сен-Пьер и Екатерина II

<http://enlightment2005.narod.ru/arc/bern-sp.pdf>

ПОИСКИ ФОРМЫ

***М.В.Разумовская*. Новый Свет и французский роман первой половины XVIII в.: "естественный человек" против "старого порядка"**

В.А.Алташина. Аббат Прево: писатель, журналист, географ и историк

<http://enlightment2005.narod.ru/arc/prevost.pdf>

С.Б.Каменецкая. Н.М.Карамзин: два героя, два литературных типа эпохи Просвещения

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/karamz-enl.pdf>

НОВЫЕ ЦЕННОСТИ

И.В.Щеблыгина. Нравственная позиция А.Т.Болотова в системе его ценностных ориентации (К вопросу о системе ценностей русского образованного дворянства второй половины XVIII в.)

<http://enlightment2005.narod.ru/arc/bolotov.pdf>

М.Л.Крючкова. Феномен "философской жизни" в русской культуре XVIII в. (По поводу мемуаров И.Д.Ершова)

<http://enlightment2005.narod.ru/arc/ershov.pdf>

А.В.Тырсенко. 1791 год в политической эволюции Антуана Барнава

http://vive-liberta.narod.ru/journal/barn_tyrs.pdf

А.В.Чудинов. Суровое "счастье Спарты" (Современники Французской революции о феномене Террора)

<http://liberte.newmail.ru/Tchoudinov2.htm>

ПУТИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Д.А.Ростиславлев. Жозеф де Местр о целях и перспективах просвещения в России

Ж.А.Ананян. Лазаревский Институт восточных языков в контексте русского Просвещения

**Новый Свет и французский роман первой половины XVIII в.:
«естественный человек» против «старого порядка»**

Изучение феномена Нового Света в связи с французским Просвещением в данной статье ограничено временными рамками первой половины XVIII в. и лишь одним из литературных жанров этого периода — жанром романа. Рассмотрение французского романа первой половины XVIII столетия как цельной идейной и художественной общности дает возможность утверждать, что роман был неотъемлемой частью общепросветительского движения и внес существенный вклад в процесс формирования и становления идеологии и культуры Просвещения во Франции. Доказательством служит выявление круга основных проблем, которые решались романистами, что помогает проследить определенные тенденции в развитии романа 1710—1740 гг. Одна из таких проблем — взаимоотношение формы романа и философской мысли эпохи, а также решение в рамках этой формы фундаментального вопроса о характере природы человека. Обращение французских романистов XVIII в. к Новому Свету зачастую было связано именно с попытками решить эту проблему.

Сведения об Америке служили материалом для сравнения различных форм государственного устройства, верований, быта, нравов людей. Новые знания и представления о жизни на далеком континенте заставляли европейцев размышлять об относительности человеческих ценностей, что стало одной из основ исторического мышления. Во Франции этот новый вклад в развитие исторического знания приобрел политическую заостренность: он помогал опровергать установившиеся политические и религиозные воззрения. Сравнение двух миров позволяло провести параллели с привычными нормами: принцип исторического мышления — понятие относительности — заставлял философов и романистов усомниться в ранее незыблемых авторитетах, став главным двигателем в ниспровержении всякого абсолютного начала, касалось ли это форм монархической власти, церкви как политического и общественного института, моральных и эстетических принципов. Французские писатели сами в Америку не ездили и создавали свои произведения не на основании собственных впечатлений, а получая материал из вторых рук, пользуясь главным образом сведениями из отчетов путешественников. Разумеется, писатели не вполне четко представляли себе реальную картину американской жизни. Деловая проза не могла стать основой для ее всестороннего понимания. Но романисты и не стремились к этому, поскольку главными для них оставались сугубо национальные задачи, которые они и решали, приспособивая американский материал к своим потребностям. Его использование поэтому во многом оставалось условным.

Основную информацию о Новом Свете французы черпали из трудов многочисленных миссионеров XVII столетия: К. д'Абевиля, И. д'Эврё, Ж.-Б. дю Тертра. В работах последнего талант романиста счастливо сочетался с дотошностью ученого. Часто читатели обращались к отчету протестантского пастора Рошфора¹. Многие из этих книг неоднократно переиздавались и в XVIII в. Особое место в их ряду занимали сочинения доминиканца Ж.-Б. Лаба, которые не раз читали романисты, в частности Лесаж и аббат Прево².

Для многих французских миссионеров и людей, путешествовавших по миру с другими целями, народы Америки были «дикарями», которые словно бы в реальности воплощали гипотетического «естественного человека», ибо они были близки к первобытной непосредственности и простоте и жили по неизвращенным новейшей цивилизацией законам природы. Именно так, например, живописали сладостную жизнь обитателей Антильских островов отчеты отцов-иезуитов д'Абевиля, д'Эврё или дю Тертра. В таких же тонах рисовали индейцев Новой Франции (Канады), и светские путешественники С.Шамплен, М.Лескарбо, Г.Сагар и др.³ Европейцев удивляла физическая красота этих людей, их высокие нравственные качества, веселый и добрый нрав, их образ жизни, простой и добродетельный, без священников и судей, без правителей и писаных законов, без разделения на «твое» и «мое».

В популярном в XVIII в. сочинении барона де Лаонтана «Забавные диалоги между автором и дикарем, наделенным здравым смыслом» (1705), мудрый дикарь, споря с европейцем, противопоставляет Евангелию естественную религию, жестоким европейским законам — естественную мораль, а частной собственности — равное и справедливое распределение материальных благ⁴. Несколько иной портрет жителей Нового Света рисовали отчеты миссионеров XVIII в., которые в отличие от светских путешественников долгое время жили среди индейцев (отец Ломбард и отец Фалькнер прожили в Гвиане 40 лет): иезуиты сумели разрушить некоторые из заблуждений по поводу доброты «дикаря»⁵.

Просвещению в целом, как известно, не было свойственно диалектическое понимание природы, общества, истории. Однако давно бытующее представление о полном антиисторизме воззрений просветителей нуждается в весьма существенных оговорках. Законы истории французские просветители осмысляли как законы природные и человеческие, а не как законы Божественного права. Метод критики источников, признание эволюции мира, человечества, общества, борьба с церковно-религиозными представлениями были отличительной чертой и Бейля, и Монтескье, и Вольтера, и многих романистов, таких, как, например, маркиз д'Аржан, аббат Прево, Ш.Дюкло. Тем не менее воззрениям просветителей на общество были свойственны в известной степени антиисторизм и абстрактность. Это проявлялось в том, что источниками зла они считали невежество и предрассудки, а общественный прогресс и путь к благосостоянию видели прежде всего в приумножении знаний. Исходным пунктом их учения об обществе был отдельный индивидуум как часть материальной природы. Натуру человека они понимали метафизически, как вечную и неизменную. Она и стали критерием, основой их представлений о том «разумном» строе, к установлению которого следовало стремиться. В сути своей теория «естественного человека» и «естественного права» была ненаучной. Но она сыграла свою историческую роль: критика общественных порядков, « пороков » государственного строя, несовершенства политических законов и учреждений, норм морали апеллировала к естественной справедливости. Выступая против феодального произвола, против сословных привилегий духовенства и дворянства, против религиозной нетерпимости и всевластия католической церкви, бросая вызов старому порядку, французские мыслители XVIII в. были убеждены, что способствовать общественному прогрессу можно воспитанием и просвещением, освобождением человеческого разума от предрассудков и развитием естественной природы личности. Обращение к Новому Свету давало просветителям особенно богатый материал для объяснения концепции «естественного человека» и «естественного закона», а также теории «общественного договора».

Как правило, романы, где речь идет о Новом Свете, — это романы эпистолярные. Повествование в письмах давало авторам возможность придать художественному вымыслу большую достоверность и непосредственность. Обличая ненавистные им общественные порядки, сочинители вкладывали свои политические и философские взгляды в уста простодушных героев, которые смотрели на цивилизованную Францию свежим взглядом «неразвитых существ». Такие экзотические персонажи позволяли романистам и философам с большей легкостью создавать определенные модели или обнаруживать их иллюзорность⁶. Так, в «Ирокезских письмах» М. де Гуве (1752)⁷ ирокез Игли, уже много лет живущий во Франции после удачной продажи ценной пушнины, делится своими впечатлениями о жизни в Европе с другом Ала. В «Письмах дикаря, брошенного на чужбину» Жубера де ла Рю (1738)⁸ индеец Закара сообщает о наблюдениях над французскими порядками другу Карокайо. Перуанка Зилия, силой увезенная во Францию, пишет свои горестные «квиппы» жениху Аза в романе госпожи де Граффины «Письма перуанки» (1747)⁹.

Оценивая порядки во Франции, герои этих романов исходят из разумного осмысления мира, якобы свойственного «дикарю»: разум дикаря, утверждает, в частности, де ла Рю, подчинен только здравому смыслу, основанному на опыте, что обеспечивает объективность его мнения¹⁰. В «Обращении к читателю» он пишет: «Я предлагаю вам размышления дикаря, который покинул леса Америки, способного к подлинному философствованию, причем его размышления отличны от принятых в цивилизованном обществе, поскольку разум цивилизованных людей основывается на ложных представлениях».¹⁰ Дикари в романах лишены предрассудков культурного общества и воплощают, как отмечалось, гипотезу просветителей о «естественном человеке»: они выявляют пороки цивилизации и доказывают преимущества «естественного состояния». Они поражены и возмущены неразумностью и неестественностью бытия французов, которых именуют «варварами», и сравнивают их образ жизни с разумными, «естественными» законами, по которым живут их соотечественники. Следует отметить, что в глазах мадам де Граффины, как и остальных ее современников, перуанцы занимали промежуточное положение между цивилизованным человеком и совсем «диким» американцем. В XVIII в. утвердилось мнение, что систему правления в древнем Перу можно считать образцом государственного устройства. Сведения о Перу черпались главным образом из знаменитой хроники Инки Гарсиласо де Ла Веги «Подлинные комментарии», переведенной на французский язык еще в 1633 г. Ж. де Бодуэном и позднее не раз переиздававшейся¹².

Перуанские порядки воспринимались, впрочем, не как «естественное состояние», а как следствие разумной и правильной организации общества в соответствии с основными законами природы. Государство перуанцев для мадам де Граффины — это государство, где соблюдаются условия «общественного договора». «Дух собственности» там заменен «духом общности». Труд для перуанцев был священным, обработка земли велась совместно. Там соблюдены равенство и независимость, все граждане — это друзья закона, а не его рабы. По натуре перуанцы искренни и человечны. Своему роману мадам де Граффины предпосылает историческое введение, где говорится об идеальном устройстве общественной жизни перуанцев, сам же роман является в известном смысле антитезой этому введению¹³. Автор «Перуанских писем» с горечью подчеркивает, что перуанцы были счастливы до тех пор, пока корыстолюбие европейцев, о существовании которого они и не подозревали, не привело на их землю тиранов и убийц. Ей вторит индеец Жубера де Ла Рю: «Счастливы наши страны были до пришествия Христофора Колумба; испанцы ограбили нас, ослабили нашу мощь, отняли сокровища, которые дал нам Творец»¹⁴. Уже в «Персидских письмах» (1721) Монтескье отмечал, что нашествие испанцев привело к обезлюдению Америки, их зверские поступки надо расценивать как варварские, как последнюю степень жестокости¹⁵.

Однако главной задачей романистов было осмысление актуальных проблем насущной жизни во Франции. Одной из основных причин несовершенства общественных порядков они считали несправедливое государственное устройство. В письмах Игли абсолютизм осуждается как отжившая неразумная форма власти, тормозящая дальнейший прогресс. Это власть тираническая, в основе которой лежит сословное неравенство. Законодательство во Франции порочно, что стало причиной осквернения государственных учреждений, особенно суда¹⁶. О том же говорит и де ла Рю: в результате нарушений естественных законов равные от природы люди во Франции делятся на великих и малых. Такое разделение не исходит из достоинств и добродетелей человека; напротив, всякое величие основано на несправедливых привилегиях, сословных или имущественных¹⁷. Во Франции узурпировано всякое юридическое право, в суде невозможно добиться справедливости, даже самые честные и образованные юристы не могут противостоять неправедному суду, где с незапамятных времен укоренились взятки¹⁸.

Государство во Франции, пишет мадам де Граффины, не подчиняется мудрым законам природы: там несправедливо поделены материальные блага, а поэтому столько бедных и несчастных людей; там забыли, что налоги надо распределять равномерно между всеми сословиями, поскольку каждый член общества должен участвовать в создании общего блага. Но французский монарх, вместо того чтобы способствовать благополучию народа, присваивает себе результаты труда своих подданных. Земля и общественные блага во Франции распределены неравномерно¹⁹.

Таким образом, в романах осуждалась тирания правительства, выражался протест против того, что народ обманывают и обирают. Многие авторы задумывались даже над проблемами частной собственности, видя в ней начало социального зла. Они осуждали присвоение одними труда других, господство привилегированных сословий

К числу важнейших философских проблем, поставленных во французском романе первой половины XVIII в., следует отнести критику христианства и католической церкви. Проблемы религии и церкви рассматривались с разных точек зрения: с научно-философской, социально-общественной, экономико-политической. Авторы романов, как и философы века Просвещения, воспринимали исторические религии как основной предрассудок, который вместе с феодальными устоями тормозит развитие человечества. Деисты де ла Рю и де Гуве были убеждены, что вера в Творца является естественной потребностью человеческого сердца; естественная религия не нуждается в традиционных догмах и авторитетах. Все исторические религии они оценивали как зло.

Индейцы в их романах со знанием дела излагают историю христианской церкви: духовенство, повествуют они, извратило первоначальное учение Христа, проповедуя бессмысленные теории о загробном мире, о бессмертии души. Религия христиан — это лабиринт, из которого они сами не могут выйти, так как она основана на ложно понимаемых истинах²⁰. Авторы романов осуждают не только фанатизм католической церкви, но и ее корыстолюбие, паразитизм духовенства, противоестественность celibата и монастырей²¹. Зилию, жрицу Солнца, пытаются обратить в католичество. И хотя добродетели христианской религии показались перуанке извлеченными из естественного закона и такими же чистыми, как Божественные установления у нее на родине, она не смогла обнаружить эти добродетели в нравах и обычаях французов, вера которых проявляется только внешне: они выполняют обряды, но у них нет глубокого понимания Бога. Больно ранит Зилию и фанатичная нетерпимость монаха. Она отказывается креститься и продолжает исповедовать свою веру, которую считает более справедливой, ибо она лежит в основе высокой морали ее соотечественников. Зилия поражена тем, что увидела во Франции. Но, осуждая заблуждения французов, она оплакивает их несчастья. Перуанка с горечью наблюдает взаимоотношения людей в обществе. Их фальши и неразумности она постоянно противопоставляет добрые и разумные связи своих соотечественников. Зилия видит, что свою некогда добрую от природы, но испорченную натуру французы скрывают под маской притворства. Все естественные отношения у них утрачены; они кажутся Зилии безумцами, которые гордятся расстройством своего рассудка и воображения²². Причина этого — уродливые условия, в которых живут французы, а также дурное воспитание, прививающее людям ложные представления. Себялюбивые и тщеславные французы забыли о добродетели, о сострадании и доброте. Развратила их и корысть: пагубная власть денег ведет к порче нравов, общественных и семейных, способствует забвению мудрых естественных отношений между родителями и детьми, мужем и женой, подданными и государем. Власть золота развратила умы и души французов²³. Только в Европе индейцы узнали об истинном зле, которое приносит поклонение золоту. Деньги во Франции заменяют все: ум, заслуги перед отечеством, любовь и т.д.; золото имеет безграничную власть, и жителю Нового Света трудно постигнуть это постыдное состояние²⁴. Нравы во Франции извращены по причине повсюду утвердившихся лицемерия и лжи.

Перуанцы мадам де Граффины до прибытия испанцев вообще не знали, что такое ложь. Индейцы считали тех, кто лжет, низкими и подлыми людьми²⁵. Счастлив лишь тот народ, восклицает Зилия, который следует природе, для которого истина является принципом, а добродетель — двигателем²⁶.

Антифеодалная направленность в решении политических и религиозных проблем обусловила появление в романе описаний утопических идеальных государств. В четвертой части романа Лесажа «Приключения Робера Шевалье, прозванного Бошеном, капитана флибустьеров в Новой Франции» (1732) речь идет об утопическом государстве, созданном мудрой правительницей, француженкой мадемуазель Дю Кло, волею судеб попавшей в Америку²⁷. Живя в Канаде, она выучила язык индейцев-гуронов. Часто навещая их, узнала их обычаи и, искренне полюбив гуронов, решила уйти к ним, чтобы скрасить им жизнь. Она испытывала к индейцам вполне заслуженную ими нежность, вовсе не помышляя, как другие ее соотечественники, пожить за их счет. Гуроны стали ей дороги по причине их природного добросердечия, простоты и присущего им чувства благодарности. Уважение к правительнице ее подданных было основано на дружбе, но не на страхе: индейцы видели в ней доброго духа, посланца Божества. Испытывая естественную признательность к Творцу, гуроны стремились к взаимной любви и никому не причиняли зла. Дю Кло уважала их верования; она спорила с теми, кто считал индейцев вероломными, жестокими варварами. Их «жестокость» по отношению к европейцам она оправдывала обстоятельствами: они сопротивлялись жестоким завоевателям, которые истребляли их и хотели навсегда лишить свободы. Отказавшись от предрассудков, Дю Кло объективно оценивала достоинства других народов. Лесаж называл свою героиню «великой женщиной»: в ее стране, описывал автор, возделаны и засеяны полезными культурами поля, выстроены удобные и крепкие жилища; мужчины и женщины работают в соответствии со своими склонностями и возможностями; в школах гуронов учат различным наукам, полезным для общества. Правит Дю Кло не одна, а совместно с советом старейшин, неуклонно соблюдая обычаи народа, не задевая их традиционных представлений и устоев. Любя своих подданных, она становится, по ее собственным словам, американкой и предпочитает свое маленькое государство Парижу, хижину — Лувру, а гуронов — французам²⁸. Так, не будучи ниспровергателем, Лесаж тем не менее противопоставлял осуждаемым им порядкам во Франции свои представления о разумном общественном строе, который он мыслит в Новом Свете.

Критическое отношение к устоям феодального общества, неприятие "старого порядка", мечта о какой-то иной, более справедливой жизни получили отражение и в таком любопытном явлении литературы первой половины XVIII в., как роман об американских пиратах (сочинения Лесажа, аббата Прево, Сент-Иасента и др.). Законы пиратского сообщества, о которых знали по отчетам путешественников и по дневникам самих пиратов, вызывали необыкновенный интерес в Европе второй половины XVII — начала XVIII в. Это отразилось не только в трудах философов-просветителей и реформаторов-утопистов, но и на страницах романов. Авторы их использовали феномен пиратства для борьбы с отжившими феодальными нормами. Они создавали характерные типы пиратов и отражали в романах хорошо знакомую им историю флибустьерства как мятежа против общества. Законы сообщества пиратов казались воплощением всеобщего равенства и справедливости. Сочинители романтически описывали дружбу пиратов, их бескорыстие и удаль, внутреннее благородство, наделяли флибустьеров чувствительностью натуры, отмечали их гуманное обращение с индейцами. Описывая жизнь пиратов, писатели словно возрождали «естественного человека», который был призван разрушить старые представления о людях и обществе. Безусловно, такие мнения мало соответствовали действительности, но в XVIII столетии они сыграли важную роль в просветительских воззрениях²⁹.

Таким образом, французский роман первой половины XVIII в. был тесным образом связан с важнейшими движениями философской и общественно-политической мысли эпохи Просвещения, а обращение к Америке оказало свое воздействие на развитие философских и эстетических теорий накануне выхода "Энциклопедии".

- 1 См.: *Abbeville, le pere J.-B.* Histoire de la mission des peres capucins. P., 1614; *Evreux, le pere Y. d'.* Suite de l'histoire des choses plus memorables adve-nues en Maragnon... P., 1615; *Du Tertre, le pere J.-B.* Histoire generale des Antilles. 4 vol. P., 1667—1671; *Idem.* Histoire generale des isles de Saint-Christophe, de la Guadeloupe, de la Martinique et autres dans l'Amerique... Septentrionale. P., 1654; *Rochefort.* Histoire naturelle et morale des Isles Antilles de l'Amerique. Rotterdam, 1658.
- 2 *Labat, le pere J.-B.* Nouveau voyage aux iles de d'Amerique. 6 vol. P., 1722.
- 3 [*Champlain* 5.] Des sauvages, ou Voyage... en France Nouvelle... P., 1604; [*Idem.*] Les voyages du sieur Champlain, Xaintongeois. P., 1609;
- 3 *Sagard C.* Le grand voyage du pays des Hurons situe en Amerique... P., 1632; *Idem.* Histoire du Canada... P., 1636. См. также: [*Lescarbot M.*] Noel: Vie et oeuvre... Tierache, 1873; *Carile P.* Un divertissement colonial en 1696: le "Theatre de Neptune" de Marc Lescarbot // Studi di letteratura francese. 1983. T.10. P.144-160; *Leoni S.* De l'aventure a l'inventaire: "Le Grand voyage du pais des Hurons" de G.Sagard // Scritti sulla Nouvelle-France nel Seicento. Ban; Paris, 1984. P.113-127.
- 4 *La Hontan.* Dialogues curieux entre l'auteur et un sauvage de bon sens... 3 vol. P., 1705. T.3. P.229-238. *Idem.* Nouveaux voyages... dans l'Amerique Septentrionale. 2 vol. La Haye, 1703. См. также: *Deloffre F.* Du vrai sauvage au bon sauvage: La Hontan, R. Challe et "La Grande Gueule" // Revue... de l'Universite d'Ottawa, 1986, janvier-mars. P.67-79; *Ouellet R.* La fin du voyage: Hazard et parodie chez Lahontan // Etudes francaises. 1987 3 trimestre. P.87-96.
- 5 *Lafitau P.* Moeurs des sauvages ameriquains comparees aux moeurs des premiers temps. 2 vol. P., 1724; *Charleuoix P.* Histoire et description de la Nouvelle France... 3 vol. P., 1744. См. также: *Chinard C.* L'Amerique et le reve exotique dans la litterature francaise au XVII-e et au XVIII-e siecles P., 1913; *Afkinson C.* The extraordinary voyages in French literature from 1700 to 1720. P., 1922; *Idem.* Les relations de voyages du XVII-e siecle et l'evolution des idees. P., 1927.
- 6 См.: *Дюше М.* Мир цивилизации и мир дикарей в эпоху Просвещения: Основы антропологии у философов // Век Просвещения. Москва, Париж, 1970. С. 255. См. также: *Connard R.* La legende du bon sauvage P., 1946; *Il buon selvaggio nella cultura francese ed europea del Settecento* // Studi di letteratura francese. Firenze, 1981. VII.
- 7 [*Maubert de Couvest J.-H.*] Lettres iroquaises. 2 vol. Irocopolis, 1752.
- 8 [*Joubert de la Rue.*] Lettres d'un sauvage depayse. 2 vol. Amsterdam, [s.a.].
- 9 *Craffigny Mme de.* Lettres d'une Peruvienne. 2 vol. P., 1752.
- 10 [*Joubert de la Rue.*] Op.cit. T.1. P.2, 85, 112.
- 11 Ibid. [S.p.]
- 12 Le commentaire royal de l'histoire des Incas, rois de Perou / Traduit par J.Baudoin. P., 1633; Commentaires royaux qui traitent de l'origine des Incas, de leurs loix, de leur religion, de leur gouvernement / Traduit par Dalibard P., 1744; Histoire des Incas, roix de Perou / Traduit de l'espagnol de l'Inca Garcilaso de la Vega. 2 vol. Amsterdam, 1737.
- 13 В числе других возможных источников "Перуанских писем" можно назвать переведенные с испанского труды: *Calancha A. de.* Histoire de Perou. P., 1653; *Zarate A.* Histoire de la decouverte et de la conquete de Perou. P., 1716. Широко

известны были и отчеты экспедиции 1735—1745 гг. парижской Академии наук в экваториальную Америку: *Bouger P.* Relation abregee du voyage fait au Perou. P., 1744; *Condamine Ch.-M.* Relation abregee d'un voyage fait dans l'interieur de l'Amerique Meridionale. P., 1745. См. также: *Разумовская М.В.* Перуанка в романе мадам де Граффины // Латинская Америка. 1976. № 6. С.99—108.

14 [*Joubert de la Rue.*] Op.cit. Т.1. P.49-50.

15 *Montesquieu Ch.* Lettres persanes. P., 1960. P.255, 257.

16 [*Maubert de Couvest J.-H.*] Op.cit. Т.1. P.45-46.

17 [*Joubert de la Rue.*] Op.cit. Т.1. P.118-121.

18 Ibid. P.157.

19 *Craffigny Mme de.* Op.cit. Т.1. P.98.

20 [*Joubert de la Rue.*] Op.cit. Т.1. P.16, 27-36, 47-48, 52, 67; Т.2. P.142-151.

21 [*Maubert de Couvest J.-H.*] Op.cit. Т.1. P.32, 66-67; [*Joubert de la Rue.*] Op.cit. Т.1. P.15-17; Т.2. P.31-35.

22 *Craffigny Mme de.* Op.cit. Т.2. P.11.

23 [*Maubert de Couvest J.-H.*] Op.cit. Т.1. P.2, 21-23; [*Joubert de la Rue.*] Op.cit. Т.1. P.3, 5, 6.

24 [*Joubert de la Rue.*] Op.cit. Т.2. P.125-127, 130, 132, 209-217.

25 Ibid. Т.1. P.64.

26 *Craffigny Mme de.* Op.cit. Т.2. P.27.

27 [Le Sage]. Les aventures de M. Roberet Chevalier, dit de Beauchene, capi-taine des flibustiers dans la Nouvelle-France. 2 vol. Maestricht, 1783. Т.2. P.29—58; См. также: *Chinard C.* Les "Aventures du chevalier de Beauchene" de Lesage // Revue du dix-huitieme siecle. 1913. N 3. P.279-293; *Assaf F.* Utopian beginning, dystopian end: Mile Duclo's Indian "nation" in Alain-Rene Lesage's "Beauchene" // Romanische Forschungen. 1986. H.1/2. S.81-95.

28 В творчестве аббата Прево идеально устроенные государства также были расположены в Новом Свете. См.: *Разумовская М.В.* Становление нового романа во Франции и запрет на роман 1730-х годов. Л., 1981. С.93-96.

29 Подробнее об этом см.: *Разумовская М.В.* Тема "чувствительного" пирата в романе XVII—XVIII вв. // Латинская Америка. 1980. № 7. С.100-109.